

Сельма Лагерлёф

СКАЗАНИЯ О ХРИСТЕ

Легенды, дошедшие до наших дней
со времен Христа и Крестовых походов

Сельма Лагерлёф
Сказания о Христе

«РИПОЛ Классик»

1904

УДК 281.9
ББК 86.37

Лагерлёф С.

Сказания о Христе / С. Лагерлёф — «РИПОЛ Классик», 1904

ISBN 978-5-386-12500-4

Данное издание представляет «Сказания о Христе» Сельмы Лагерлёф в переводе Николая Смоленского. Он был опубликован в 1913 г. в качестве приложения к журналу «Отдых христианина» и пользовался большой популярностью. Авторский сборник великой шведской писательницы, ставшей первой женщиной, удостоенной Нобелевской премии за заслуги в области литературы, включает слышанные ею в детстве от глубоко верующей бабушки истории о Господе Иисусе Христе. Они дают самобытные интерпретации Рождества Христова, детства Спасителя, Его Крестных страданий. Несомненно, тут имеет место вымысел, но вымысел, исполненный благоговения и направленный на то, чтобы возбудить в сердцах читателей (слушателей) этих сказочных историй горячую любовь и интерес к христианству, подкрепить веру и готовность следовать путями, указанными Господом нашим Иисусом Христом, с надеждой и верой усваивая учение Матери нашей Церкви. Книга, написанная и переведенная, адаптированная нами к нормам современного русского языка, предназначена для семейного чтения, не оставит равнодушными взрослых и детей.

УДК 281.9
ББК 86.37

ISBN 978-5-386-12500-4

© Лагерлёф С., 1904
© РИПОЛ Классик, 1904

Содержание

Предисловие	7
Святая ночь	8
Видение императора	11
Колодец Мудрецов	15
Дитя из Вифлеема	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сельма Лагерлёф

Сказания о Христе

© Серова И. Ю., литературная обработка, 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Предисловие

Христиане по имени, мы язычники по своим мыслям, чувствам и поступкам. Эгоизм – вот основа человеческих побуждений. Но душа человека по природе христианка, она тоскует, задыхается в атмосфере эгоизма, она инстинктивно стремится к христианским идеалам, ищет Христа и жизни по Его заветам.

Напрасно люди стали бы искать в современной литературе удовлетворения христианским запросам души. Таких произведений, в которых отражались бы христианские идеалы, теперь почти нет. Рассказы Сельмы Лагерлёф – одна из немногих книг, проникнутых христианскими идеалами. Ее рассказы – не исторические повествования, это благочестивые сказания, навеянные христианскими преданиями и настроениями. И всякий, в чьей душе не погасла искра Божия, найдет в книжке Лагерлёф отзвуки высоких христианских порывов и христианских настроений, найдет отдых и успокоение от мелких эгоистических интересов обыденщины.

1913 год, приложение к журналу «Отдых христианина»

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло большое несчастье. Я не знаю, испытывала ли я впоследствии горе большее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные сказки нам, детям, смирно сидящим возле нее.

Я не помню бабушку иной; мы боялись проронить хоть слово из ее рассказов. Это была очаровательная жизнь! Не было детей более счастливых, чем мы.

Я смутно помню бабушку. В памяти запечатлелось, что у нее были прекрасные, белые, как снег, волосы, что была она очень сторблена и постоянно вязала свой чулок.

Еще помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала руку мне на голову и говорила: «И все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты – меня».

Бабушка умела петь красивые песни; но она это делала не каждый день. Одна из ее любимых песен был про какого-то рыцаря и морскую деву, там еще был припев: «Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю».

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О большинстве историй бабушки сохранились у меня лишь слабые, неясные воспоминания. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот почти все, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, которое меня охватило, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мертвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный черный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось нам учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы привыкли к ним. Могло показаться, что заменили нам новые забавы бабушку, что забыли мы ее.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далекой чужой стране, в моей памяти живо встает маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно еще раз его рассказать и поместить в своем сборнике.

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоем были одни в доме; мы не смогли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на диване, бабушка начала рассказывать:

«Однажды глубокой ночью человек пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался:

– Добрые люди, помогите мне, – говорил он. – Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонек. Он направился к нему и увидел, что это костер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, заслышав чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели лаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть встала дыбом на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и овчарки бросились на него. Одна схватила его за ногу, другая – за руку, третья вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и ему было не пройти. Тогда он взобрался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась».

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут не могла удержаться, чтобы не спросить:

– Почему не пошевелились овцы? – спросила я бабушку.

– Это ты узнаешь немного погодя, – ответила бабушка и продолжала рассказ:

«Когда человек подошел к огню, заметил его пастух. Это был старый угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Завидев чужого человека, он схватил длинную остроконечную палку, которой гонял свое стадо, и с силой бросил ее в незнакомца. Палка полетела прямо в человека, но, не коснувшись его, повернула в сторону и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила бабушку.

– Бабушка, почему палка не ударила человека? – спросила я; но бабушка мне ничего не ответила и продолжала рассказ.

«Человек подошел к пастуху и сказал ему:

– Добрый друг! Помоги мне, дай немного огня. Только что родился Младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу. Но когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, овцы не разбежались перед ним и палка не попала в него, как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко и он не осмелился отказать незнакомцу.

– Возьми, сколько тебе надо, – сказал он.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки давно сгорели, оставались лишь кроваво-красные уголья, и человек с заботой и недоумением думал, как ему их взять и в чем унести.

Заметив затруднение незнакомца, пастух еще раз повторил:

– Возьми, сколько тебе надо!

Он со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и завернул в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошел спокойно назад, как будто нес в плаще не горячие уголья, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтоб не спросить:

– Бабушка! Почему не обожгли уголья человека и не прожгли ему плащ?

– Ты скоро это узнаешь, – ответила бабушка и стала рассказывать дальше.

«Старый угрюмый, злой пастух был поражен всем, что пришлось ему увидеть.

– Что за ночь, – спрашивал он себя, – в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжет?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

– Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

– Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Пастух очень хотел узнать, что все это значит. Поэтому он встал, пошел за незнакомцем и дошел до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под скалой. Стены пещеры были голы, из камня, и от них шел сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был черствым, суровым человеком, ему стало жаль невинного Младенца, который мог замерзнуть в каменной пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеч мешок, развязал его, вынул мягкую теплую овечью шкурку и передал незнакомцу, чтобы завернуть в нее Младенца.

Но в тот же миг, когда показал пастух, что и он может быть милосердным, открылись у него глаза и уши, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружили множество ангелов с серебряными крыльями и в белоснежных одеждах. Все они держали в руках арфы и громко пели, славословя родившегося в эту ночь Спасителя мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда понял пастух, почему все животные и предметы были нынче так добры и кротки, что не хотели никому причинить вреда.

Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всюду было ликование и веселье, пение и музыка; темная ночь сверкала теперь множеством небесных огней, светилась ярким светом, исходящим от ослепительных одежд ангелов. И все это увидел и услышал пастух в ту чудесную ночь, и так был рад, что открылись глаза и уши его, что упал на колени и благодарил Бога».

Тут бабушка вздохнула и сказала:

– То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, если бы были достойны этого. Ведь ангелы каждую Рождественскую ночь летают над землею и славословят Спасителя.

И бабушка положила руку мне на голову и сказала:

– Заметь себе, что все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку – только чистое сердце открывает очи, которыми может человек лицезреть красоту небесную.

Видение императора

Это случилось в то время, когда в Риме был императором Август, а в Иудее правил Ирод.

Глубокая, таинственная ночь спустилась на землю, такая темная, черная, какой еще никогда не видели люди. Можно было подумать, что весь земной шар погребен под сводами глубокого погребца или окутан густой черной пеленой. Невозможно было на самом близком расстоянии отличить землю от воды, легко было заблудиться на самой знакомой дороге. Ни один луч света не падал с небес, ни одна звезда не зажглась в эту ночь на мрачном, таинственном небосклоне, а месяц отвернул свой ясный лик от земли.

Эта ночь была полна какой-то великой, чудесной тайны.

Такими же глубокими, как тьма, были тишина и молчание на всей земле. Ни один звук не хотел нарушить торжественного, глубокого молчания этой ночи. Реки затаили в глубине свое течение, не было слышно ни плеска волн, ни шелеста листьев, замерли ветры, и даже листья осины перестали трепетать.

Если бы кто-нибудь взглянул в эту ночь на море, то увидел бы, что волны морские не ударялись о прибрежные скалы, остановили свое вечное движение, а в пустыне песок не хрустел под ногами путника. Вся природа замерла, чтобы не нарушать торжественного покоя святой ночи. Даже трава не осмеливалась расти в эту ночь, роса не сверкала алмазными каплями, а цветы не дерзали испускать благоухание.

В эту ночь хищные звери не нападали, ядовитые змеи не жалили, собаки не лаяли. Еще удивительнее и прекраснее было то, что даже неодушевленные предметы не хотели нарушать святости чудесной ночи, отказывались участвовать в недобром деле. Ни одна отмычка не помогла бы вору открыть замок, ни один кинжал не пролил бы кровь.

Как раз в эту ночь в Риме несколько человек в темных плащах вышли из дворца императора и направились через город к священному Капитолию. Нынче днем сенаторы и другие знатные римляне объявили императору Августу о своем намерении воздвигнуть в честь него храм на священном холме Рима. Но он еще не дал им на это согласия. Император не знал, угодно ли богам, чтобы рядом с их храмами на священном холме был поставлен храм в честь него, человека. Он надеялся узнать волю богов через своего бога-покровителя и отправился ночью принести ему жертву.

Император был стар и слаб; его несли на носилках, потому что Августу было бы не под силу подняться на вершину холма по высоким ступеням лестницы Капитолия. Август сам держал клетку с двумя голубями, предназначенными для жертвоприношения. Ни жрецы, ни сенаторы, ни солдаты не сопровождали императора; с ним были только его друзья; впереди шли слуги с зажженными факелами, свет которых разгонял ночную тьму; тут же шло несколько рабов, они несли треножник, священный нож и уголья – словом, все необходимое для жертвоприношения.

Император был весел, по дороге он, не переставая, беседовал и шутил со своими друзьями. Ярко горели факелы, и пока путники шли по узким улицам Рима, никто из них не заметил ни чрезвычайной мглы, ни поразительной тишины этой ночи. Но когда поднялись они на верхнюю площадку Капитолия и достигли открытого места, предназначенного для нового храма в честь Августа, люди заметили, что в природе происходит что-то необычайное.

Свет многочисленных факелов рассеял тьму, и люди увидели на самом краю обрыва какую-то бесформенную темную фигуру. Сначала путники приняли ее за сломанный бурей пень оливкового дерева или старый обломок какой-нибудь древней громадной статуи, но наконец разглядели, что это живое существо, и в ужасе отступили: перед ними была старая мудрая сивилла.

Трудно было представить себе человека, к которому время было бы менее милосердно; несуразно высокая, с поднятыми старыми, длинными, как крылья, костлявыми руками, она походила на мрачную, зловещую птицу.

Уже много-много лет старая сивилла не показывалась людям, не выходила из горного ущелья, где жила в одной из пещер. Что могло заставить ее подняться на крутой обрыв Капитолия?

При виде сивиллы ужас охватил спутников императора Августа.

– Она недаром пришла сюда нынче ночью, – тревожно шептали люди, – она мудра и обладает высшими знаниями, ей столько же лет, сколько песчинок на морском берегу. Что предвещает ее приход, добро или зло? Ведь она знает все, что должно случиться с человеком, она пишет свои пророчества на листьях деревьев и повелевает ветру отнести вещие слова тому, кому они предназначены. Может быть, она пришла, чтобы предсказать императору грядущую судьбу?..

Страх, овладевший людьми, был так велик, что они готовы были пасть ниц по первому знаку сивиллы. Но она сидела неподвижно, как неживая, и, казалось, даже не заметила пришедших. Затенив глаза рукою, она пристально вглядывалась в черную, беспросветную тьму. Но как могли что-нибудь различать ее старческие глаза, когда на расстоянии всего нескольких шагов мрак становился непроницаемым?

Тут, на вершине, люди сразу заметили, как темна ночь; словно темные завесы спускались с небес, и взор не мог ничего различить на расстоянии вытянутой руки. Тибр точно спал мертвым сном, ни разу не донеслось ропота его шумливых журчащих волн. Воздух был душным и влажным, с трудом можно было им дышать; какая-то обессиливающая истома овладевала людьми, им было тяжело двигаться, руки и ноги отказывались повиноваться, холодный пот выступал на лбу.

Каждый подумал, что в эту ночь происходит что-то непонятное.

Но никто из друзей императора не решился сознаться, что боится. Не желая огорчать господина, они старались уверить его, что все необычное в этой ночи – добрые предзнаменования для Августа: вся природа затаила дыхание, чтобы приветствовать нового бога! Старая сивилла, наверное, пришла для того, чтобы поддержать императора, поклониться и приветствовать его.

Друзья Августа и не подозревали, как далека была от них в эти мгновения старая сивилла. Дух ее перенесся через необозримые моря и пустыни в далекую страну Востока. Ей казалось, что она идет по незнакомому обширному полю. Старческие ноги ее то и дело натыкаются в темноте на какие-то мягкие кочки; нагнувшись, сивилла увидела, что это были овцы: она шла через огромное стадо спящих овец.

Вдали мерцал огонь пастухов, и она направилась к нему. Пастухи мирно спят вокруг догорающего костра, тут же лежат длинные остроконечные палки, которыми они обычно защищают свои стада от хищных зверей. Немного дальше дремлют сторожевые собаки; они не слышат, как подкрадываются к стадам небольшие звери со сверкающими глазами и острыми зубами. Это шакалы. Но овцы не вскакивают в ужасе, почуяв их; не лают собаки, не просыпаются пастухи – все спокойно спят... О чудо! Шакалы не хватают добычу, они спокойно ложатся возле овец и мирно засыпают, как домашние ручные животные...

Напряженно смотрела сивилла вдаль, она была вся поглощена тем, что видела, и не замечала того, что происходило за ее спиной. Треножный жертвенник был поставлен посередине площадки; зажгли уголья, распространяя аромат жертвенного курения. Император осторожно вынул из клетки одного из голубей; но руки Августа были так слабы, что он совершенно не мог владеть ими: без малейшего усилия голубь выскользнул из его пальцев, взмахнул крыльями и исчез в темноте.

Это был дурной знак, и все снова с затаенным страхом взглянули на сивиллу; не она ли принесла несчастье?

Люди не могли знать, что старая сивилла была духом в далекой стране. Она все еще стояла у костра пастухов и прислушивалась к какому-то таинственному, едва слышному звону, который шел неизвестно откуда и трепетно будил мертвую тишину ночи. Долго не могла сивилла разобрать, откуда этот звон, наконец различила, что звуки несутся с небес. Она подняла голову и увидела лучезарных ангелов в белоснежных одеждах: они скользили по воздуху, наполняя все пространство от земли до небес, и словно искали кого-то.

Сивилла внимала нежному песнопению ангелов и не видела, что Август снова готовился к жертвоприношению. Император омыл руки, велел очистить жертвенник и подать второго голубя. Но, несмотря на все предосторожности, он снова не смог удержать птицы, голубь выскользнул из рук, взвился над головой императора и скрылся во мраке.

Ужас охватил Августа и всех присутствовавших; они упали на колени и стали громко молиться, чтобы боги отвратили свой гнев, не посылали бедствий и несчастий.

Но старая сивилла не видела и этого. Она всецело была поглощена дивным пением ангелов, которое звучало все громче и торжественнее и стало таким могучим, что разбудило пастухов. Они с удивлением приподнимались, опершись на локти, прислушивались и наконец замечали светящиеся сонмы ангелов, которые летали в поднебесье длинными вереницами, как стаи перелетных птиц. У одних из ангелов были в руках лютни и гусли, у других – цитры и арфы; с чудесной музыкой сливалось ликующее пение ангелов, веселое и звонкое, как смех ребенка, беззаботное и радостное, как песня жаворонка, сладкозвучное и нежное, как трель соловья.

Пастухи встали и поспешили со своими стадами в горный городок, видневшийся невдалеке, откуда были родом, чтобы там рассказать о чудесном небесном видении.

Они поднимались по узкой горной тропинке, и старая сивилла не отставала от них.

Вдруг на вершине горы стало светло, как днем: огромная яркая звезда зажглась над горой, и город на вершине ее засверкал в серебристых лучах звезды. В тот же миг сонмы ангелов, парившие в поднебесье, устремились с ликующими кликами и пением к городу, а пастухи ускорили свои шаги и почти бежали. Еще издали они заметили, что ангелы столпились у бедного хлева, пристроенного к горной пещере так, что одну стену его составляла обнаженная скала. Как раз над этой пещерой стояла звезда, и сюда отовсюду продолжали стекаться толпы ангелов. Они сидели на жалкой соломенной крыше, у входа в пещеру, на дороге и покрывали почти всю гору. Высоко-высоко, до самых небес, светился воздух над пещерой, и в этом сиянии еще ярче сверкали ослепительно-белые одежды и крылья ангелов.

В тот самый миг, когда зажглась звезда над пещерой далекого горного городка, проснулась вся природа, и люди, все еще стоявшие на вершине Капитолия в Риме, не могли не заметить этого. Они тотчас почувствовали дыхание свежего ветерка, зашелестевшего в листве деревьев, сладкое благоухание растений, трав и цветов, услышали говорливые волны Тибра, увидели, как загорелись звезды на темном небе и месяц своим серебристым сиянием озарил землю и рассеял мрак, а оба голубя, ускользнувшие из рук императора, прилетели и сели на плечи Августа.

Когда совершилось это чудо, император с гордой радостью поднялся с колен, а все спутники бросились к его ногам с криками восторга:

– Да здравствует император! Боги ответили тебе, Август, ты тот бог, которому должно поклоняться на вершине Капитолия!

Радостные возгласы друзей императора долетели до слуха старой сивиллы. Она наконец-то обернулась, поднялась со своего места и стала приближаться к людям. Словно темное облако поднялось из недр земли и покрыло вершину холма. Сивилла была величественна и ужасна: спутанные космы седых волос обрамляли темное морщинистое лицо, но по-прежнему тверда была ее походка, глаза горели, как уголья, презрительная усмешка кривила обветренные губы.

– Смотри! – властно сказала сивилла, схватив Августа за руку и указывая на далекий восток.

Сквозь бесконечные пространства проник взор императора, и он увидел бедный хлев у подножия горы. Через раскрытые двери разглядел он коленопреклоненных пастухов. Узрел в пещере молодую Мать на коленях перед новорожденным Младенцем, положенным на сноп соломы, и колосья, как лучи сияния, окружали Его.

– Вот тот Бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия! – указала сивилла на Младенца.

Дух прорицания овладел ею. Глаза ее метали молнии, руки возделись к небесам, голос звучал мощно и властно; казалось, что слова ее будут слышны по всей земле:

– Нынче явился на свет великий Бог, Христос, Обновитель Мира, Спаситель людей! Ему будут поклоняться на вершине священного Капитолия, а не тленному человеку!

Медленно прошла старая сивилла мимо пораженных ее словами людей, даже не взглянув на них, спустилась с вершины холма и исчезла в ущелье.

Август на другой день отдал строгое запрещение воздвигать в честь него храм на Капитолийском холме. На месте, предназначенном для этого храма, император вскоре сам построил алтарь в честь новорожденного Божественного Младенца и назвал его Небесным жертвенником.

Колодец Мудрецов

По Иудее бродила Засуха, с ввалившимися глазами, жестокая и беспощадная. Там, где она проходила, после нее оставался печальный след: трава желтела, источники иссякали, ручьи пересыхали до дна.

Было лето. Солнце выжигало растительность по склонам обнаженных гор, ветер гонял тучи серой известковой пыли, стада толпились у иссохших ключей, напрасно ища хоть каплю влаги.

Засуха бродила по всей стране; она заглядывала в колодцы и смотрела, велики ли еще запасы воды. Со вздохом увидела она, что еще не иссякли пруды Соломона, хорошо защищенные от зноя скалистыми высокими берегами. Не иссякла еще вода и в знаменитом колодце царя Давида недалеко от Вифлеема. Злая Засуха плелась по большой дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим, и осматривалась кругом, что бы ей погубить. На полпути между городами заметила она Колодец Мудрецов. Он был на самом краю дороги. Опыт Засухи тотчас подсказал ей, что этот колодец скоро иссякнет. Засуха присела на его край – он был выдолблен из одного огромного камня – и заглянула вглубь. Ровное блестящее зеркало воды, которое обычно доходило почти до самого верха, теперь глубоко опустилось, тина и ил со дна замутили раньше всегда кристально чистую воду.

Когда колодец увидел на своей зеркальной поверхности отражение желтого, иссушенного лица Засухи, он застонал и взволновался.

– Хотела бы я знать, скоро ли ты умрешь? – злобно прошептала Засуха. – Ты, конечно, уже не найдешь больше воды под землей, скоро тебе нечем будет питаться. О дожде не может быть и речи, по крайней мере месяца два-три.

– Ты можешь быть спокойна, – вздохнул колодец. – Ничто не спасет меня. Чтобы вернуть мне жизнь, надо, чтобы произошло чудо; только райский источник мог бы напитать меня.

– Я подожду, пока ты умрешь, – сказала Засуха. Она видела, что старый колодец близок к концу, и радовалась, что может присутствовать при его последних часах, следить, как он будет иссякать капля за каплей.

Она уселась поудобнее и с радостью прислушивалась, как тяжело вздыхает старый колодец. С наслаждением смотрела Засуха, как жаждущие путники с надеждой опускали ведра в его глубину, мечтая напиться студеной водой, и с разочарованием вместо свежей воды вытаскивали несколько капель мутной жидкой грязи.

Так прошел весь день. Когда наступила темнота, Засуха снова заглянула в колодец. Далеко-далеко, на самом дне, еще блестело немного воды.

– Я останусь тут на всю ночь! – сказала Засуха колодцу. – Не спеши! Все равно, когда наступит день и я снова загляну в тебя, ты будешь уже мертв!

Засуха свернулась, скорчилась и улеглась на краю колодца, чтобы так провести ночь, которая была еще ужаснее и мучительнее, чем день, потому что не приносила ни малейшей прохлады и облегчения. Собаки и шакалы выли и лаяли не переставая; им вторили из своих душных хлебов изнывающие от жажды коровы и ослы. Даже ветер не приносил прохлады и свежести, а, наоборот, был знойным и раскаленным, как дыхание громадного спящего чудовища.

Только звезды мирно и приветливо сверкали высоко в небе и узкий серебристый серп молодого месяца лил кроткий зеленовато-голубой свет на мрачные холмы и долины. При свете месяца заметила Засуха, что большой караван взбирается на холм и держит путь к Колодцу Мудрецов.

Засуха всматривалась в длинный караван и ликовала. Несомненно, мучительная жажда томит путников и животных, и велико будет их разочарование, когда они не найдут ни капли

воды в старом колодце, чтобы утолить свою жажду. Караван был так велик, что люди и животные, составлявшие его, могли бы осушить колодец, даже если бы он был полон. Что-то показалось Засухе в этом огромном караване необычным; как призраки, двигались в ночном полумраке люди и верблюды, и было удивительно, как мог огромный караван очутиться в такое знойное лето далеко в пустыне и не потерять последних сил. Верблюды шли бодро, они спускались по склону холма в том месте, где земля точно сливалась с небом, и казалось, что весь караван спускается с неба. При слабом свете месяца верблюды казались гораздо крупнее обычных; с удивительной легкостью, без всяких усилий они несли на себе огромные тюки.

Засуха видела весь караван, каждого верблюда, каждого поводчика так ясно, так отчетливо, что не могла сомневаться в том, что это настоящие люди и животные. Она различила даже, что первые трое животных были дромадеры¹ с серой блестящей шерстью; они были богато оседланы и убраны, спины их были покрыты великолепными коврами, на них сидели знатные всадники.

Караван подошел к колодцу и остановился: дромадеры огласили ночную тишину пронзительными криками и спокойно легли на землю, так что всадники могли сойти на землю. Навьюченные верблюды остались спокойно стоять один за другим, длинной вереницей, и казалось, нет конца причудливой линии горбов, длинных шей и навьюченных тюков.

Как только знатные всадники вступили на землю, они подошли к Засухе и приветствовали ее, прикасаясь в знак почтения рукой ко лбу и к груди. Они были одеты в ослепительно-белые одежды, а на головах их были высокие тюрбаны, к верхней части которых были прикреплены огромные звезды, сверкавшие ярко, точно их только что сняли с неба.

– Мы идем из далекой страны, – сказал один из незнакомцев, обращаясь к Засухе, – пожалуйста, скажи нам, это ли Колодец Мудрецов?

– Он еще сегодня так называется, – злорадно ответила Засуха, – но завтра тут уже не будет никакого колодца. Он умрет нынче ночью.

– Но разве это не один из священных колодцев, которые никогда не должны иссякнуть?

– Я знаю, что он священный, – возразила Засуха, – но все три мудреца в раю и не помогут колодцу спастись от смерти.

Три всадника переглянулись.

– Ты хорошо знаешь историю этого старого колодца? – спросил один из них Засуху.

– Я знаю историю не только всех колодцев, но и всех рек, источников, ручьев и озер, – гордо заметила Засуха.

– Будь же добра, доставь нам удовольствие и расскажи историю этого колодца, – попросили незнакомцы и уселись возле злой старухи.

Засуха выпрямилась, оперлась о край колодца и с видом настоящей рассказчицы сказок и преданий начала говорить:

– В мидийском городе Габесе, который лежит на самой границе пустыни и потому бывал для меня не раз желанным приютом, давным-давно жили три человека, которые прославились своей мудростью. Они были очень бедны, и это было удивительно, так как в Габесе знания и науки пользовались большим уважением и ученых людей очень ценили. Неудачи трех мудрецов происходили оттого, что один из них был чрезвычайно стар, и люди думали, что такой глубокий старик уже не может научить других своей мудрости; второй был болен проказой, и люди не только не стекались к нему, чтобы учиться мудрости, но, наоборот, бежали от него, опасаясь заразы; третий мудрец был черный негр с толстыми вывернутыми губами, и люди не верили, что он постиг мудрость, не верили, что мудрость может явиться из Эфиопии. Общее несчастье – бедность – объединило трех мудрецов. Втроем на паперти храма просили они милостыню, вместе устраивались на ночлег под открытым небом. Они коротали длинные, однооб-

¹ Дромадер – одногорбый верблюд.

разные дни, делясь друг с другом своими наблюдениями над жизнью и ее закономерностями, и обсуждали явления природы и поступки людей, которые приходилось им видеть.

Однажды глубокой ночью, когда они все трое бок о бок спали на плоской крыше своего убогого жилища, поросшей сорной травой и красным маком, проснулся самый старый из них и разбудил товарищей, едва окинув беглым взглядом ночную темноту. «Да будет благословенна наша нищета, заставляющая нас спать под открытым небом! – воскликнул он. – Проснитесь и взгляните на небо!»

– Действительно, – продолжала Засуха более мягко, – это была такая ночь, что ее не может забыть никто, кто тогда проснулся. Воздух был так прозрачен и чист, что небесный свод, который обычно представляется тяжелым и непроницаемым, казался легким, и взор свободно проникал в беспредельную даль, которая колебалась, как морские волны. Все небесное пространство было наполнено каким-то чудесным светом, который исходил из невидимых источников, и звезды плавали в нем, соединяя свои лучи с этим светом. Но в самой дали, высоко-высоко увидели мудрецы маленькую темную точку. Она неслась и росла на глазах, превращаясь в шар, и становилась все ближе и ближе; по мере приближения темный шар мало-помалу посветлел, так распускаются розы – повелел бы им Господь всем увянуть! – когда превращаются из бутона в пышный цветок. Шар становился все больше и больше, из глубины его все ярче загорался свет, и наконец разорвалась темная оболочка и горячий свет вдруг брызнул во все стороны ослепительными снопами. Поравнявшись с самой ближней из звезд, светлый шар остановился. Яркие снопы света постепенно слились, и из них развернулись длинные розоватые лучи, которые окружили светящейся шар со всех сторон, и он стал подобен прекрасной огромной звезде. Когда увидели бедняки это чудесное явление, мудрость подсказала им, что в этот миг родился на земле могущественный Царь, который будет сильнее царя Кира и Александра Македонского. Они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного Младенца и расскажем им, что видели в сегодняшнюю ночь. Мы скажем им, какое славное будущее ожидает их Сына, и они, может быть, наградят нас за добрую весть мешком червонцев или золотыми украшениями». Они взяли свои длинные дорожные посохи и двинулись в путь. Они прошли через город и миновали городские ворота, но тут на мгновение остановились в нерешительности: перед ними лежала бесконечная пустыня, а люди боятся пустыни, ненавидят ее. Но тотчас заметили они, как новоявившаяся в эту ночь чудесная звезда провела узкий серебристый луч по сухому песку обнаженной пустыни, и смело и спокойно двинулись вперед за звездой, которая указывала им путь. Всю ночь шли они по песчаной пустыне и во время пути говорили между собой о новорожденном Царе, которого они думали найти спящим в колыбели из золота, играющим драгоценными камнями. Они коротали часы ночи, беседуя о том, как придут к царю и царице, родителям Новорожденного, и возвестят им, что небо готовит Сыну их силу и могущество, красоту и счастье, какими не обладал даже мудрый царь Соломон. Все трое чувствовали себя польщенными тем, что именно их избрал Бог, им показал чудесную звезду. Они предавались мечтам о том, какая награда ждет их, и рассуждали, что родители счастливого Младенца должны дать им по крайней мере двадцать кошельков с золотом; тогда будут навсегда забыты страдания и унижения нищеты, которые они терпели столько лет. Я всю ночь сторожила их в пустыне, – продолжала Засуха, – как лев, готовый броситься на свою добычу, чтобы одолеть их муками жажды. Но они миновали меня. Всю ночь чудесная звезда вела их через пустыню, и утром, когда небо посветлело от зари и звезды стали меркнуть, та звезда, что вела их, по-прежнему ярко сверкала, и путники благополучно дошли до оазиса, где нашли источник ключевой воды и пальмы со спелыми финиками, лишь в лучах солнца растаял свет звезды. Мудрецы отдыхали целый день, но едва стали сгущаться сумерки, звезда снова засветилась в небе, и луч ее повел их дальше через пустыню. Путь, который совершали три мудреца, был самым приятным, какой только могут представить себе люди. Звезда вела их так, что им не приходилось терпеть ни голода, ни жажды; они не запутывались в колючих терновниках,

их ноги не тонули в глубоких сыпучих песках пустыни; дорога была ровной и гладкой; солнце не палило их, ветры не осмеливались засыпать песком и накрывать облаками пыли. Мудрецы замечали все это и постоянно говорили между собой: «Бог хранит нас и благословляет наше странствование. Мы Его послы». Но мало-помалу я все же приобрела власть над ними, – с гордостью сказала Засуха. – Я проникла в их сердца и так иссушила их, что они сделались такими же черствыми и безжалостными, как пустыня, по которой шли. Гордость и алчность овладели ими, они все больше и больше стали кичиться своим высоким жребием, тем счастьем, которое было послано им. «Мы послы Божии, – беспрестанно твердили три мудреца, все более и более обуреваемые гордостью и опустошающей душу алчностью, – отец новорожденного Царя должен достойно наградить нас; даже целый караван, навьюченный мешками с золотом, едва может достаточно отплатить нам за нашу весть. Мы – послы Божии!» Наконец звезда привела путников в Иорданскую долину, они перешли через прославленные струи священной реки и вступили в иудейские земли с многочисленными холмами. Однажды ночью звезда остановилась над маленьким городком Вифлеемом, раскинувшимся среди зелени оливковых деревьев на высоком скалистом холме. Мудрецы стали всматриваться в окрестности, ища взорами великолепный дворец с укрепленными стенами и башнями и все то, чему подобает быть в царской столице; но ничего подобного не увидели они. И удивительнее всего было то, что звезда остановилась даже не над самим городом, а на окраине его, над пещерой у края дороги. Кроткий свет звезды проник в пещеру, и там увидели мудрецы новорожденного Младенца, который спокойно спал на коленях Матери. И еще увидели мудрецы, что свет звезды, как лучезарной короной, увенчал головку Младенца. Но все-таки они остановились у пещеры в нерешительности. Постояли, а потом не вошли в пещеру, чтобы предсказать Младенцу славу и царскую власть, ничем не выдали своего присутствия и стали быстро спускаться с холма. «Неужели мы совершили наше длинное странствование только затем, чтобы прийти к нищим, таким же, как мы сами? – с возмущением роптали мудрецы. – Неужели Бог для того послал нас сюда, чтобы мы оскорбили Его величие, предсказав Его именем царский жребий сыну нищего пастуха? Что ожидает этого Младенца, кроме убогой жизни, какую ведет его отец, в этой скромной долине, где и он будет пасти стада?»

Засуха на мгновение остановилась и с торжеством взглянула на слушателей. «Разве я не права? – говорил ее взор. – Что может быть бесплоднее и более жестоко, чем охваченное гордой самоуверенностью человеческое сердце? Оно во много раз страшнее и безотраднее, чем песок пустыни».

– Мудрецы лишь немного отошли от города, – продолжала Засуха, – когда им пришла в голову мысль, что они заблудились, идя за звездой, и неверно поняли путь, который она им указывала. Они подняли взоры свои к небу, чтобы найти на нем звезду и еще раз пойти по пути, который указывал им ее луч. Но напрасно искали они среди мириад звезд ту, которая привела их из далекой страны: она исчезла.

При этих словах глубокое волнение отразилось на лицах трех незнакомцев, как будто сильное страдание причинил им рассказ Засухи.

– То, что случилось дальше, – снова заговорила она, – с человеческой точки зрения, может быть, считается даже отрадным. Когда мудрецы увидели, что звезда исчезла с небесного свода, они тотчас поняли, что согрешили против Бога. И с ними произошло то, – с отвращением сказала Засуха, – что случается с землей, когда вдруг наступают проливные дожди. Мудрецы содрогнулись от ужаса, как содрогается земля от молнии и грома, души их размягчились, и смирение, овладевшее ими, пустило ростки – так земля дает жизнь молодой травке, которая начинает расти и зеленеть. Три дня и три ночи блуждали мудрецы по окрестностям Вифлеема, тщетно пытаясь найти Младенца, Которому должны были поклониться. Звезда не являлась им, не освещала и не указывала пути, и они странствовали, все дальше углубляясь в долину, не находя пути; печаль и раскаяние все более и более проникали в их сердца. На

третью ночь измученные жаждой искупить свое заблуждение, истерзанные сознанием своей ошибки, не смея больше поднять взор к небу, подошли они к этому колодцу. Тут Бог простил их заблуждение и грех, и, когда они нагнулись к колодцу, глубоко-глубоко в спокойном зеркале прозрачной воды увидели они отражение чудесной звезды, которая привела их с Востока. Тотчас вскочили они и поспешно направились вслед за звездой, и та снова привела их к пещере на краю Вифлеема, и там мудрецы упали на колени перед новорожденным Младенцем: «Ты будешь владеть величайшими сокровищами Мира, – воскликнули они, – мы приносим Тебе дары нашей мудрости и знаний. Ты будешь величайшим и славнейшим Царем на земле, какого еще не было до Тебя и не будет до конца мира!» Младенец коснулся своей ручкой их склоненных голов, и когда мудрецы поднялись, оказалось, что Младенец Сам наделил их такими дарами, какими не могли бы одарить самые богатые и сильные властелины на земле: старый мудрец превратился в цветущего юношу, прокаженный исцелился от страшной болезни, черный негр стал белокожим красавцем, и все они сделались прекрасны и молоды и, вернувшись в свои родные земли, вскоре стали царями.

Засуха замолчала. Незнакомцы стали благодарить ее.

– Ты хорошо рассказала нам все, – говорили они. – Но, – прибавил один из них, – меня удивляет, что три мудреца ничего не сделали для колодца, который оказал им такую услугу. Неужели они могли забыть доброе дело?

– Разве этот колодец не должен быть вечным, – заметил другой, – чтобы напоминать людям, что счастье, которое исчезает на высотах гордости и самообольщения, снова находится человеком в глубине раскаяния и смирения?

– Неужели отошедшие в вечность менее способны на благодарное чувство, чем живущие? – добавил третий. – Неужели те, кто наслаждаются вечным блаженством в раю, могут забыть своих друзей, оставшихся на земле, и не помочь им в опасности?

И едва сказал он эти слова, как Засуха вскочила с криком ужаса: она узнала в незнакомах трех мудрецов. С воплями бросилась она бежать от колодца, как от зачумленного, чтобы не видеть, как путники подозвали своих слуг и те стали снимать с верблюдов мешки с водой, которыми они были навьючены; и вскоре бедный умирающий колодец стал оживать и наполняться чудесной водой, которую благодарные мудрецы привезли с собой из рая.

Дитя из Вифлеема

Перед городскими воротами Вифлеема стоял на часах римский воин. Он был в шлеме и тяжелых латах, сбоку висел короткий меч, а в руках воин держал длинное копье. Целый день стоял он почти без малейшего движения, и можно было подумать, что это не живой человек, а железная статуя. Горожане проходили через ворота туда и обратно, нищие садились отдохнуть в тени под сводами ворот, продавцы фруктов и вина ставили свои корзины на землю, чтобы слегка передохнуть, у самых ног воина, – он все стоял неподвижно, едва давая себе труд слегка повернуть голову и поглядеть им вслед.

«Тут нет ничего интересного, – казалось, говорил взгляд часового. – О чем мне тревожиться? Неужели меня могут занимать все эти люди – нищие, торговцы, погонщики? Вот если бы я мог полюбоваться на стройные ряды войск, идущих на врагов, тогда другое дело. О как хотел бы я посмотреть на жаркую битву, на горячую схватку, на молодецкую атаку конницы, которая стремительным натиском мнет отряд пеших воинов! Как хотелось бы мне участвовать в штурме города, вместе с отважными смельчаками первым взобраться на каменные стены осажденной крепости! Ничто кроме войны не может доставить мне радости и удовольствия. Я тоскую без царственных орлов моей далекой родины Рима, как хотелось бы мне увидеть одного из них парящим в голубой выси небес. Я томлюсь без воинственных звуков труб, призывающих в бой, меня влекут и манят звуки оружия и алые потоки пролитой крови врагов».

Сейчас же за воротами начиналось широкое поле, все поросшее белыми лилиями. Римский воин каждый день стоял на страже у этих ворот, каждый день взор его был устремлен на это поле, но ему и в голову не приходило полюбоваться на удивительную красоту и пышность белоснежных цветов, он даже не замечал их. Иногда видел он, как прохожие с восхищением останавливались и наклонялись к цветам; это вызывало в римлянине только досаду.

«Глупые люди! – думал он. – Они отвлекаются от своего дела, задерживаются на пути, чтобы полюбоваться такими пустяками. Они не понимают, в чем истинная красота!»

Мало-помалу часовой переносился мыслями в другие страны; он уже не видел ни поля, ни холмов, покрытых зелеными оливковыми деревьями, пред мысленным взором его проплывали другие картины. По знойной, раскаленной пустыне Ливии длинной прямой линией двигались по желтому песку легионы войск. Нигде нельзя укрыться от палящих лучей солнца, нет границ песчаной пустыне, нигде не видно источника, нет конца томительному пути. Воины изнемогают от голода и жажды, колеблющимися усталыми шагами едва двигаются они вперед. Один за другим, обессиленные, опускаются в изнеможении на песок, сраженные немилосердным солнечным зноем. Но, несмотря на все страдания, все муки, воины идут все вперед и вперед, не допуская и мысли о том, чтобы малодушно отстать от своих вождей.

«Это действительно прекрасно! – думает воин, отрываясь от своих сладких мечтаний. – Вот какие картины должны веселить взор храброго человека!»

Во время своих ежедневных дежурств у городских ворот воин мог бы любоваться прелестными детьми, которые приходили играть на лугу. Но к детям воин относился как к цветам и с возмущением удивлялся, если проходившие мимо люди с улыбкой останавливались, чтобы посмотреть на детские игры.

«Удивительно, как некоторые умеют из ничего сделать себе удовольствие, – думал, глядя на них, воин. – Что тут интересного и заслуживающего внимания?»

Однажды, когда воин стоял, как всегда, на своем посту за городскими воротами, он увидел маленького мальчика, лет трех, который пришел поиграть на лугу. Это был бедный мальчик, несомненно сын небогатых родителей, потому что одет он был в овечью шкурку и играл совсем один. Воин, сам того не замечая, внимательно смотрел на мальчугана. Ему бросилось

в глаза, какой легкой поступью ребенок бегал по траве; он совсем не мял ее, точно паря над нею, не касаясь ее. Когда ребенок начал играть, он возбудил еще большее удивление воина.

«Клянусь мечом, – подумал тот, – этот мальчик играет совсем не так, как другие дети. Чем это он там забавляется?»

Ребенок был всего в нескольких шагах от воина, и тот мог свободно его наблюдать. Он увидел, как мальчик протянул руку, чтобы поймать пчелу, которая сидела на краю цветочного лепестка и была так отягчена цветочной пылью, что не могла расправить крылышки, чтобы лететь. С изумлением воин увидел, как пчела, нисколько не стараясь ускользнуть от руки ребенка и не думая его ужалить, спокойно дала себя поймать, и мальчик, крепко зажав пчелку в кулачке, побежал с ней к трещине в городской стене, где жил пчелиный рой, и там посадил пленницу на край улья. Потом мальчик снова побежал к цветам, и так целый день носил усталых пчелок в их жилище.

«Какой неразумный ребенок! – думал воин. – Я, право, еще не встречал такого. Ему доставляет удовольствие помогать пчелам, которые могут отлично обойтись без его помощи, да еще того и гляди ужалят его. Что за человек выйдет из этого мальчугана, когда он вырастет?»

Ребенок каждый день приходил на луг, и воин не мог удержаться, чтобы не наблюдать за ним и его затеями.

«Как удивительно, что за все три года, что я стою здесь на страже, – думал воин, – ничто так не привлекало моего внимания, как этот ребенок».

Но не радостные мысли возникали в голове у стражника, когда он смотрел на ребенка. Невольно вспоминалось ему предсказание одного иудейского пророка, что наступит время, когда мир и тишина будут царить на земле, утихнут войны и люди будут любить друг друга как братья. Эти мысли были тягостны и ненавистны для воинственного римлянина, он боялся, что такое время может действительно наступить на земле, судорога пробежала по его телу, и он крепче сжимал копьё, как будто готовился броситься на врагов.

И чем больше наблюдал этот римлянин за играми удивительного ребенка, тем чаще приходило ему в голову, что время братской любви и мира может скоро настать на земле. Он был далек от мысли, что заветы братской любви уже принесены на землю, но даже мысль о возможности такого печального, с его точки зрения, времени приводила его в уныние и возбуждала негодование.

Однажды, когда мальчик, по обыкновению, играл на поле, покрытом лилиями, вдруг налетела страшная туча и разразился сильнейший ливень. Когда мальчик увидел, как крупные дождевые капли били и мяли прекрасные цветы, он на минуту задумался, как помочь своим любимцам, а потом стал подбегать к самым высоким стеблям, на которых было больше цветов, и наклонял их до земли так, что дождевые капли, ударяясь о нижнюю часть чашечек цветков, не могли вредить им. Мальчик спешил от одного цветка к другому, и скоро все стебли, как скошенная трава, лежали один возле другого, покорно подчиняясь воле ребенка.

Страж ворот с усмешкой следил за мальчиком.

«Боюсь, что лилии не слишком будут благодарны этому наивному мальчугану, – подумал он. – Он, очевидно, не знает, что растения с такими крепкими стеблями, как лилии, нельзя перегибать. Они все, конечно, теперь сломаны на перегибах».

Однако, как только дождь утих и солнце снова выглянуло из-за туч, мальчик побежал к лилиям и стал их выпрямлять. И неописуемо удивленный воин увидел, как ребенок без малейшего усилия и труда поднимает стебель за стеблем, и оказалось, что ни один из них не только не был сломан, но даже самую малость не поврежден. Так переходил мальчик от цветка к цветку, и вскоре все поле по-прежнему сияло ослепительными белыми цветами.

Когда римлянин вник в происходящее перед его глазами, душой его овладел сильный гнев.

«Что это за ребенок? – с озлоблением думал он. – Как могло прийти ему в голову спасать никому не нужные цветы? Какой из него может выйти воин, если в нем сейчас так сильная жалость, что он не может видеть даже гибель цветка? Что же с ним будет на войне? Что он будет делать, если ему велят поджечь дом, в котором скрылись женщины и дети, или потопить корабль, вышедший в море с отрядом воинов?»

Снова пришло ему на память древнее пророчество иудейского мудреца о царстве мира и любви на земле, и у воина явилась мысль, что, действительно, это время может скоро наступить, раз могло появиться на свет такое удивительное дитя, с такой нежной и чувствительной душой. Может быть, уже настает это время и навсегда умолкнут звуки орудий, никогда больше не будет доблестных кровопролитных войн. Люди будут такими, как этот ребенок; они станут опасаться повредить один другому, будут помогать друг другу и даже более того – не только человек человеку, но будут оказывать помощь даже животным и растениям, как этот мальчик заботится о пчелах и лилиях. Не будет больше славных подвигов на земле, не будет великих побед и победителей-героев. Храброму воину негде будет показать свою доблесть, не к чему применить силу, не придется ему больше упиться опасным кровавым боем.

Эти мысли были так тягостны для римлянина, который только и мечтал о войне и героических подвигах, что бессильный гнев против кроткого ребенка поднимался в нем и душил его. Когда мальчик пробежал мимо него, он даже погрозил ему вслед своим острым копьем.

Через несколько дней, придя на луг, мальчик еще более удивил воина.

Был необычайно жаркий день, и солнечные лучи так раскалили шлем и латы стража ворот, что ему казалось, будто на нем были доспехи из пламени. Проходящим мимо думалось, что воин должен невыносимо страдать от такого палящего зноя. Глаза его налились кровью и готовы были выскочить из орбит, губы пересохли; но он был закален в знойных африканских пустынях, и после их палящего жара этот день не казался ему невыносимо знойным; кроме того, ему и в голову не пришло отойти со своего поста хотя бы несколько шагов в сторону, чтобы укрыться в тени. Наоборот, ему было приятно сознавать, что прохожие удивляются его выносливости, видят его доблесть.

В то время как воин стоял под палящими лучами на своем посту, точно готовый заживо испечься, мальчик пришел на луг и вдруг, оставив игру, близко подбежал к нему. Он понимал, что стражник недружелюбно относится к нему, и обычно играл где-нибудь на некотором расстоянии от его поста, но тут ребенок подошел к воину совсем близко, пристально и внимательно посмотрел ему в глаза и во всю мочь пустился бежать через дорогу. Спустя несколько мгновений он опять появился на дороге, но шел медленно и осторожно, ручки его были сложены, как чашечка: он нес в горсточке несколько капель воды.

«Только этого еще недоставало! – проворчал римлянин. – Неужели ему пришла мысль принести мне воды? У него, по-видимому, нет ни малейшего разума. Как мог он подумать, что римский легионер может принять его помощь? Какое может он находить для себя удовольствие бегать за водой для тех, кто совершенно не нуждается в этом; милосердие его здесь неуместно и никому не нужно. Что касается меня, то я не только не испытываю благодарности к нему за желание помочь мне, но, наоборот, ненавижу его и всеми силами души желаю, чтобы он и подобные ему исчезли навсегда с лица земли».

Мальчик озабоченно подходил. Он крепко сжимал руки, чтобы ни одна капля не пролилась между пальцами. Глаза его были опущены, он пристально смотрел на свою воду, точно нес что-то чрезвычайно драгоценное, и не видел, что воин следит за ним суровым, жестоким взглядом, что брови его сдвинуты от сильного гнева и недовольства.

Наконец мальчик подошел к римлянину вплотную и протянул ему воду.

Во время ходьбы тяжелые светлые локоны ребенка сбились и закрыли собою лоб и глаза, и мальчик несколько раз встряхнул головой, чтобы откинуть их назад. Наконец волосы перестали мешать ему и он взглянул на воина. Ясный приветливый взгляд ребенка встретился с

жестоким и злым взглядом римлянина, но мальчик не испугался, не убежал, а продолжал спокойно стоять перед стражем ворот с протянутыми руками, и лучезарная улыбка не сходила с его лица.

Но воин упорно не хотел принимать помощи от мальчика, которого в эту минуту искренне ненавидел и считал своим врагом. Он вообще старался не видеть мальчика, не замечать принесенной им воды и стоять прямо и твердо, как будто вовсе не понимая, чего тот хочет.

Но мальчик, казалось, не желал видеть очевидного – что воин отвергает его помощь. Он по-прежнему улыбался ясно и приветливо, поднялся на цыпочки и протянул руки как только мог высоко, чтобы рослому воину было легче достать до воды.

Легионеру была невыносима мысль, что ребенок хочет оказать ему помощь, ярость стала овладевать им, он готов был схватиться за копье, чтобы прогнать мальчика.

Но как раз в это время лучи солнца начали с особым ожесточением палить голову стража ворот, а воздух так раскалился, что красные круги замелькали перед его глазами, дыхание сжалось и ему показалось, что в голове расплавляется мозг. Он испугался, что солнечный удар убьет его на месте.

В ужасе от мыслей о смерти воин, не помня себя, бросил оземь копье, схватил обеими руками ребенка, приподнял и глотнул из его рук, как из чашечки, воды, которую мальчик принес ему.

Лишь несколько капель досталось римлянину, но больше и не требовалось. Язык и губы освежились, живительная влага разлилась по телу, утишая палящий жар и возвращая силы. Даже шлем и латы точно сразу перестали быть раскаленными, солнце стало более милосердным и отклонило свои лучи от воина. Пересохшие губы снова были мягкими и влажными, и красные круги перестали плясать перед глазами.

Прежде чем воин все это заметил, он уже поставил ребенка на землю, и тот убежал на луг, где снова стал играть.

С удивлением римлянин начал приходить в себя и вспоминать, что с ним случилось.

«Что это за удивительную воду принес мне мальчишка? – рассуждал он. – Это был какой-то чудесный напиток. Я в самом деле должен быть ему благодарен».

Но он так не любил своего спасителя, что тотчас же отбросил эти мысли.

«Этот ребенок совершенно такой же, как и другие дети, – успокаивал стражник сам себя. – Он делает все, что придет ему в голову, не отдавая себе отчета в том, почему он поступает так, а не иначе. Он во всем видит лишь игру и забаву. Разве лилии и пчелы чувствуют к нему благодарность? Он забавляется с ними так же, как сегодня ему пришла охота сбегать за водой для меня. Он и не предполагал, какую оказал мне услугу».

И вновь с еще большим гневом взглянул он на мальчика, который спокойно играл невдалеке.

В это время из ворот вышел начальник римских легионеров, которые были в Вифлееме, и направился к воину.

«Подумать только, какой страшной опасности я подвергнулся из-за глупого мальчишки! – с ожесточением подумал воин. – Если бы Вольтигий проходил здесь чуть раньше, он увидел бы меня с ребенком на руках!»

Начальник легионеров подошел к воину и спросил его, могут ли они здесь побеседовать так, чтобы никто их не услышал, потому что Вольтигий должен открыть ему важную тайну.

– Нам стоит отойти лишь шагов десять от ворот, чтобы не слышали прохожие, тогда ты сможешь говорить совершенно спокойно, никто нас не услышит, – ответил воин.

– Ты знаешь, – начал Вольтигий, – что царь Ирод уже не раз старался захватить одного Младенца, который живет тут, в Вифлееме. Мудрецы и пророки предсказали, что этот Ребенок овладеет царством Ирода и положит на земле начало царству мира и любви. Ты понимаешь, что Ирод хочет помешать этому?

– Конечно, и я от всей души сочувствую ему, – ответил воин. – Но ничего не может быть легче схватить его!

– Все было бы чрезвычайно просто и легко, если бы Ирод знал, который именно из вифлеемских младенцев тот, о котором делались пророчества.

– Жаль, что мудрецы не могут дать Ироду на этот счет точных указаний, – с досадой сказал легионер, напрягая мысли, чтобы придумать, как тут быть.

– Ирод сам придумал хитрость, – снова заговорил Вольтигий, – с помощью которой погубит будущего Царя мира и любви. Он обещает хорошую награду каждому, кто поможет ему осуществить этот замысел.

– Все, что ты прикажешь, Вольтигий, будет исполнено с готовностью, награды мне не надо, – ответил воин.

– Благодарю тебя, – продолжал начальник легионеров. – Послушай же, в чем состоит план Ирода. Он хочет в день рождения своего младшего сына устроить пышный праздник, на который будут позваны все мальчики с матерями, но только те дети, которым не менее двух и не более трех лет. На этом празднике...

Вольтигий остановился и расхохотался, увидев выражение крайнего отвращения на лице воина.

– Добрый друг! – продолжал он. – Уж не думаешь ли ты, что Ирод приглашает нас няньками к этой детворе? Нагнись ко мне, я скажу тебе на ухо, что должно произойти дальше...

Долго шептались начальник легионеров с воином; наконец, когда все было условлено, Вольтигий сказал:

– Ты, конечно, понимаешь сам и мне нет надобности напоминать тебе, что ты не должен никому обмолвиться и словом об этом, если хочешь, чтобы все удалось...

– Ты знаешь, Вольтигий, что на меня вполне можно положиться, – твердо ответил воин.

Начальник легионеров ушел, и страж ворот остался один на своем посту: взор его невольно снова остановился на ребенке, который все еще играл возле цветов и так легко и нежно, как мотылек, касался их, что не причинял ни малейшего вреда.

Вдруг римлянин разразился недобрым смехом и пробормотал:

– погоди, недолго тебе осталось докучать мне своими дурацкими забавами, недолго мне терпеть тебя, как досадную занозу в глазу. И тебя позовут на праздник в честь сына царя Ирода!

* * *

Воин дождался на своем посту вечера, когда надо было запирать городские ворота на ночь, после чего по узким темным закоулкам отправился в город и наконец вышел на площадь, где красовался великолепный дворец Ирода.

Внутри этого величественного здания был огромный двор, вымощенный камнем, кругом него было множество построек, к которым прилегали три широкие крытые галереи, одна над другой. На самой верхней из них должен был состояться праздник в честь сына Ирода, на который созвали всех вифлеемских мальчиков от двух до трех лет. Эта галерея по приказанию Ирода была украшена к празднеству и представляла собой как бы крытый, защищенный уголок в прекрасном зеленом саду. По потолку вились виноградные лозы, с которых спускались сочные спелые грозди, возле стен и колонн стояли небольшие гранатовые и апельсиновые деревья, сплошь покрытые спелыми плодами. Пол был усыпан розовыми лепестками, которые покрывали его, как мягкий пушистый ковер, и наполняли воздух тонким ароматом; а вдоль балюстрады над столами и низкими скамьями висели гирлянды белоснежных благоуханных лилий.

В этом прекрасном цветочном шатре здесь и там журчали в бассейнах прозрачные струи фонтанов, в которых плавали золотые и серебряные рыбки, сверкая и искрясь в воде яркой чешуей. На ветвях деревьев пели сладкие песни диковинные пестрые птицы, привезенные из

далеких чужих стран, здесь же была клетка со старым ученым вороном, который без умолку болтал.

К началу праздника матери с детьми стали наполнять галерею. При входе во дворец мальчиков облачали в белые длинные одежды, окаймленные пурпуром, а на их темнокудрые головы надевали венки из ярких душистых роз. Женщины были одеты в живописные красные и синие одежды; белые прозрачные покрывала спускались на плечи с их остроконечных головных уборов, украшенных золотыми монетами и цепями. Некоторые несли своих сыновей на плечах, другие вели за руку, третьи, чьи мальчики были слабее и нежнее, несли их на руках.

Женщины опускались на пол галереи; тотчас рабы ставили перед ними низкие столики с изысканными кушаньями и редкими напитками, какие подаются на царских пирах. И счастливые матери начинали пить и есть, не теряя при этом горделивой осанки, которая составляет лучшее украшение вифлеемских женщин.

Вдоль стены галереи, за гирляндами цветов и фруктовыми деревьями, почти скрытые за ними, стояли двойные ряды воинов в полном боевом вооружении. Они были безучастны и неподвижны, как будто им не было никакого дела до того, что происходило вокруг. Но женщины время от времени кидали боязливые взгляды в сторону воинов.

– К чему они здесь? – беспокойно спрашивали матери друг у друга. – Неужели Ирод думает, что мы не умеем вести себя с достоинством? Неужели он считает, что присутствие этих грубых людей необходимо, чтобы наблюдать за нами и держать нас в строгом порядке?

Некоторые женщины успокаивали себя и товарок тем, что так и подобает быть на царском празднестве во дворце. Когда царь Ирод устраивает пир для своих друзей, дворец всегда бывает полон легионерами. Воины присутствуют для большей торжественности, для почета.

В начале празднества дети стеснялись и робко жались к матерям, испытывая смущение в непривычной для них обстановке. Но мало-помалу любопытство и беспечность взяли верх над робостью и мальчики с восторгом предались приготовленным для них развлечениям.

Ирод действительно по-царски принимал своих маленьких гостей. Приготовил для них целый ряд чудес! Тут же на галерее дети находили пчелиные ульи, полные сот со свежим, душистым медом, и ни одна сердитая пчелка не мешала малюткам лакомиться им. Деревья протягивали свои отягченные плодами ветви, и дети сами срывали и ели спелые апельсины, гранаты и другие фрукты. В одном углу галереи мальчики нашли чародея, который в один миг наполнил карманы их прекрасными игрушками; в другом углу укротитель зверей показывал двух тигров, таких ручных и кротких, что малыши забирались к ним на спины и катались, как с горки.

Но в этом волшебном царстве ничто так не привлекало взоров мальчиков, как длинные ряды легионеров в блестящих латах, настолько неподвижных, точно это были не живые люди, а железные статуи. Дети с любопытством рассматривали оружие и строгие лица железных людей; и все время, пока мальчики играли в разные игры, они то и дело поглядывали на воинов и говорили о них между собой. Никто не осмеливался близко подойти к вооруженным фигурам, но всех мучило любопытство, настоящие ли это люди или все-таки искусно созданные кем-то статуи.

Игры и празднество становились все шумнее и оживленнее, веселее и звонче звучали детские голоса, а воины по-прежнему стояли неподвижно. И детей это все более уверяло в том, что перед ними железные статуи, они рассуждали так: ни один человек не сможет так долго стоять возле сочных кистей винограда и других лакомств и не протянуть к ним руки, чтобы съесть такую вкуснотищу!

Наконец один из малышей не выдержал и осторожно, готовый тотчас обратиться в бегство, стал подходить к ближайшему легионеру; а тот продолжал стоять как ни в чем не бывало, позволяя ребенку подойти почти вплотную; наконец мальчик оказался у самых ног железного человека и протянул руку, чтобы дотронуться до его сверкающих лат.

И тут, будто оживленные неведомой грозной силой, все железные люди сразу зашевелились и началось что-то дикое, ужасное. С яростью зверей набросились воины на детей. Одни, схватив свою жертву, подкидывали нежное тело ребенка, как тряпичную куклу, со всего размаха запускали им через гирлянды и факелы, через перила – и несчастный малыш, ударившись о каменный пол двора, мгновенно умирал; другие вонзали острые мечи в сердца детей или разбивали о стену их головы и уже мертвыми сбрасывали с галереи во двор, объятый ночной мглой.

В первые мгновения дворец охватила тишина. Тела малышей мелькали в воздухе, а их матери онемели, не понимая, что происходит. Происходящее было похоже на какой-то дикий сон или безумный розыгрыш. Но вскоре несчастные женщины поняли весь ужас происходящего и в отчаянии, с безумными воплями бросились к легионерам.

На галерее оставались дети, которых еще не успели схватить. Легионеры гонялись за ними и убивали. Матери бросались защищать своих сыночков, голыми руками ловили они острия мечей, стараясь отклонить смертельные удары от малышей. Те, чьи дети были уже мертвы, в отчаянии бросались на жестоких убийц, чтобы отомстить, душили, кусали, царапали, норовили вырвать кадыки и выцарапать глаза.

Во время всеобщего смятения, когда дворец огласился детским плачем и нечеловеческими воплями пришедших в исступление женщин, воин, обычно охранявший городские ворота, стоял теперь на страже на верхней площадке лестницы, у входа на галерею.

Он не принимал участия в избиении младенцев; только если какой-нибудь матери удавалось схватить своего ребенка и она пыталась бежать из дворца, едва женщина приближалась к лестнице, страж ворот преграждал ей дорогу своим мечом; лицо его и весь облик были так суровы и беспощадны, так ужасен был его вид, что беглянки, натолкнувшись на него, бросались сверху на каменный пол или возвращались назад, понимая, что встреча с ним сулит немедленную смерть – от него не укроется никто.

«Вольтигий был прав, поставив именно меня на этот ответственный пост, – думал воин. – Молодой, неопытный легионер мог бы растеряться, увлечься, покинуть свое место и броситься в общую схватку. Если бы я отвлекся хоть на минуту, по крайней мере дюжина младенцев избежала бы смерти».

Он так размышлял, когда вдруг заметил молодую женщину, которая, крепко прижав к груди ребенка, бежала прямо к лестнице. Вышло так, что ни один из легионеров не пересекал ей дорогу и она добежала до конца галереи.

«Вот как раз одна из тех, кому непременно удалось бы спасти сына, если бы я не стоял тут! – хмыкнул стражник. – Но я здесь!»

Женщина так быстро приближалась к воину, как будто не бежала, а неслась по воздуху; он не успел разглядеть ни ее лица, ни мальчика, которого она укрывала под одеждой. Он протянул руку с мечом, готовясь пронзить мать и дитя: женщина неминуемо должна была наткнуться на лезвие в таком стремительном бегстве; воин ждал, что она тотчас падет мертвой у его ног.

Но в это мгновение легионер услышал какое-то жужжание над головой и почувствовал острую боль в глазу. Она была так сильна, что воин, не помня себя, бросил меч на пол и схватился за глаз. В руке у него оказалась маленькая мохнатая пчелка, это именно она ужалила его, ее маленькое острое жало стало причиной его страдания. Растоптав насекомое, легионер схватился за отброшенный меч, надеясь, что еще не поздно настигнуть беглянку.

Но пчелка прекрасно исполнила свое дело, и как раз вовремя: мгновения, на которое она ослепила стражника, было вполне достаточно для молодой матери, чтобы спуститься с лестницы и перебежать через двор. Когда воин, ревя от ненависти, кинулся за ней, она была уже далеко и скрылась в темноте. Она исчезла, и никто не мог разыскать ее.

* * *

На следующее утро этот воин, как всегда, стоял на страже за городскими воротами. Было еще совсем рано, и тяжелые ворота были только что открыты. Но, казалось, никто не ждал этого нынче: ни один работник не вышел из города в поле, как происходило каждый день: жители Вифлеема были под впечатлением ужаса минувшей кровавой ночи, никто не решался покинуть свой дом.

«Клянусь мечом! – воскликнул воин, стоявший на страже. – Вольтигий сделал большую ошибку. Было бы несравненно лучше, если бы он велел запереть городские ворота и обыскать все дома. Тогда можно было бы непременно найти ту женщину, которой удалось скрыться с праздника и спасти своего сына от смерти. Вольтигий рассчитывает, что родители этого мальчика постараются бежать из Вифлеема, как только узнают, что ворота открыты; он надеется, что я схвачу их как раз в воротах. Но я боюсь, что это неразумный расчет. Как легко можно укрыть ребенка и пронести его незамеченным!»

Воин стал представлять себе, что родители спрячут сына в корзине овощей, какие возят на ослах, или в мехах для вина, или среди тюков, навьюченных на верблюдов большого каравана.

Пока легионер так рассуждал, к воротам торопливо приближались мужчина и женщина. Они, видимо, спешили и то и дело бросали боязливые взгляды по сторонам, как будто ожидая на пути опасности. Мужчина держал в руке посох и так крепко сжимал его, как будто был готов каждую минуту им защищаться и проложить себе дорогу, если бы кто-нибудь вздумал встать на пути.

Но воин не так внимательно присматривался к мужчине, как к женщине. Он сразу же отметил, что она была как раз того же роста, что и та молодая мать, которой вчера удалось скрыться с праздника. Капюшон длинного плаща был наброшен на голову женщины, а вся ее фигура была закрыта широкими складками материи; легионеру тотчас пришла в голову мысль, что она неспроста так закуталась, несмотря на жару: ей было чрезвычайно удобно скрыть под плащом ребенка.

Чем ближе подходили путники, тем яснее различал страж, что женщина действительно несет на руках ребенка, очертания его тела даже проступали под тяжелой материей плаща.

«Я совершенно уверен, нисколько не сомневаюсь, что эта женщина именно та, что убежала вчера из дворца, – решил римский воин. – Я не мог различить и запомнить ее лица, но я знаю ее осанку. Как странно, она опять идет мимо меня со своим ребенком и даже не позаботилась как-нибудь похитрее спрятать его; поистине я даже и не мечтал, что мне удастся так счастливо и легко найти беглецов с сыном!»

Мужчина и женщина были уже совсем близко. Очевидно, им не приходило в голову, что их могут задержать именно у городских ворот; они вздрогнули и с испугом переглянулись, когда страж протянул копьё и остановил их, преграждая дорогу.

– Почему мешаешь ты нам выйти в поле? – спросил мужчина.

– Вы можете спокойно идти, куда вам надо, – ответил воин, – но прежде я должен посмотреть, что твоя спутница прячет под плащом.

– Зачем тебе смотреть? – возразил мужчина. – Она несет хлеб и вино – нехитрый провиант, чтобы мы могли весь день проработать в поле.

– Может быть, ты говоришь и правду, – сказал римлянин, – но почему же она не хочет показать мне то, что у нее под плащом?

– Не она, а я этого не хочу, – ответил мужчина. – И даю тебе добрый совет: пропусти нас.

Мужчина в гневе замахнулся посохом, но женщина поспешно положила ему на плечо руку и сказала:

– Не вступай с ним в ссору. Я знаю, что надо сделать. Я покажу ему, что несу под плащом, и уверена, что он пропустит нас, не причинив ни малейшего зла.

И с ясной, полной доверчивости улыбкой женщина подошла к воину и приподняла край своего плаща.

В то же мгновение легионер отскочил назад и закрыл глаза, ослепленный ярким светом. То, что женщина несла под плащом, так сверкало белизной, что первые мгновения воин ничего не мог различить, пока немного не освоился с чудесным сиянием.

– Я думал, что ты несешь ребенка, – сказал он.

– Ты видишь сам, что я несу, – спокойно ответила женщина.

Наконец смог различить римский легионер, что свет и сияние исходили от букета ослепительно-белых, прекрасных лилий. Таких, какие росли в поле за городскими воротами. Но эти были гораздо ярче и крупнее, а белизна их была так ослепительна, что глаза едва могли выносить.

Воин засунул руку в середину букета. Он никак не мог отказаться от мысли, что женщина несет ребенка, он же различал очертания детского тела под плащом еще издали; но пальцы его нащупали лишь мягкие, нежные лепестки цветов.

Бессильная злоба и гнев kloкотали в груди стража; он с радостью задержал бы этих мужчин и женщину, но с досадой видел, что к тому не было никаких причин и оснований.

Женщина, видя колебания и досаду воина, спросила:

– Теперь ты пропустишь нас?

Он молча опустил копье, которым все это время заграждал ворота, и отошел в сторону.

Женщина снова закуталась в плащ, с нежной улыбкой заглянула на то, что несла под ним, улыбнулась легионеру и сказала:

– Я знала, что ты не сможешь причинить ни малейшего зла моей ноше, как только увидишь!

И незнакомцы снова пустились в путь и стали быстро удаляться, а воин стоял на своем месте и смотрел им вслед до тех пор, пока они не скрылись из виду. И опять совершенно ясно различал он под плащом женщины очертания не букета лилий, а ребенка.

В недоумении размышлял страж над тем, что видел, пока далекие крики с улицы не привлекли его внимание. К нему бежал начальник римских легионеров Вольтигий с несколькими воинами:

– Держи! Держи их! – издали кричали они. – Запри перед ними ворота, не пропускай!

Когда бегущие приблизились к стражу ворот, они рассказали, что напали на след спасенного во время вчерашнего праздника мальчика. Они разыскали дом его родителей и хотели там схватить всех, но оказалось, что уже поздно: мужчина и женщина только что покинули дом и скрылись, вероятно спасаясь бегством. Соседи видели, как они уходили; их нетрудно узнать: мужчина – высокий бодрый старик с окладистой седой бородой, в руке у него увесистый посох; женщина – стройная, высокого роста, в длинном темном плаще, под которым она несет ребенка.

В то самое время, как Вольтигий все это передавал воину, в воротах появился бедуин на прекрасном скакуне. В один миг, не произнося ни слова, легионер бросился к нему, сбросил всадника на землю, и пока тот не успел даже опомниться, воин был уже на коне и мчался по дороге.

* * *

Прошло два дня. Римский легионер скитался по бесплодной горной пустыне, которая протянулась у южных границ Иудеи. Он все еще преследовал беглецов, но тщетно, и был вне себя от гнева и досады, что нет конца его утомительным поискам.

«Можно подумать, что эти люди обладают способностью скрываться под землей, – негодовал он. – Сколько раз в эти два дня я видел их, и мне казалось, что я их настигаю, что стоит мне лишь протянуть копье, чтобы сразить мальчишку, – и все это вдруг оказывалось каким-то непостижимым обманом зрения или игрой воображения!»

Он чувствовал себя бессильным, как тот, кто борется с могущественной силой и никогда не сможет одолеть ее, потому что сам признает ее превосходство.

«Уж не боги ли покровительствуют этим людям и укрывают их от меня? – спрашивал себя легионер. – Есть что-то сверхъестественное, недоступное пониманию смертного человека в этом бегстве! Напрасный труд их искать! Лучше вернуться назад, пока я не погиб в этой ужасной пустыне от голода и жажды!»

Но страх попасть под суд и понести наказание удерживал стража ворот от возвращения с пустыми руками. Он совершил двойное преступление – два раза именно он пропустил женщину с ребенком, не сумев задержать ее. Не могло быть сомнений, что ни Вольтигий, ни Ирод не простят ему такой вины и подвергнут суровой и жестокой каре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.